Итак, мы видим, что Переписка своими интересами к вопросам внешней политики и посольскому делу, композицией и манерой изложения, отдельными приемами изложения (цветастые образные титулы, брань и угрозы в дипломатической грамоте) соприкасается с документами Посольского приказа. Из них автор черпает темы и формы для своего творчества.

Создавая на основе дипломатических документов свои произведения, авторы из Посольского приказа сознательно сохраняли специфику своих документальных образцов, стремясь придать своему вымыслу правдивую форму. Нам известно уже одно такое произведение — Повесть о двух посольствах, которая написана в форме двух статейных списков.²⁵ В Переписке явно ощущается влияние подлинных татарских грамот. Татарские грамоты могли привлечь русского автора-дипломата не только сюжетом, но и красочностью стиля и языка. Если для дипломатического документа вообще характерна устойчивая формула, то особенно образная формула татарских документов не могла не пленить литературное воображение.

Так, например, об отправлении посла с подарками в татарских грамотах было принято писать, что он идет «с легким поминком, с тяжелым поклоном». О послах говорилось: «Так бы еси выдал в малых днех борзо ко мне, брату моему, старые свои поминки с добрым своим поклоном»;²⁶ «и ваш посол большей к нам идет, а нам к вам, и учнем послы меняться, и друг, услышев то, порадуется, а недруг скорбию побежден будет»;²⁷ «а ты с ним хочешь послати своего большого посла доброго своего человека. Твой бы посол к нам шел, а наш бы посол к тебе шел». О союзе писали так: «как его недруга саблею секу, так же и твоего недруга саблею секу»;²⁸ «и мы тебе правду учиним, саблею своею недруга твоего сечем».²⁹ О согласии между татарскими правителями сообщали формулой: «на одне уста посмотри»;³⁰ «слава богу, ныне земля на одне уста смотрит».³¹ Об установлении мира после усобицы писали: «да с доброю честью и любовью опять позналься и земля на одне уста учели смотрити».³² Об укреплении хана на престоле сообщали, что он «на отца своего месте крепко стал своими ногами».³³ Сагиб-Гирей так же образно говорил о своем укреплении на царстве: «ноги у меня поскрепятца».³⁴ Про покоренную землю писали, что она «у коня под ногами» и еще: «недруга твоего королеву землю воевали, города потеряли, посады порушили»;³⁵ «и землю его и людей воевали, и несколько городов разрушили, и посады потеряли, и, бесчисленно полону взяв, к себе поздоропу пришли».³⁶

В татарских грамотах встречаются, кроме того, образные выражения, не являющиеся специальными дипломатическими формулами. В грамоте 1528 г. рассказывается о том, как помирились два правителя, Саадет-Гирей

²⁵ См.: М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII в. ТОДРА, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 218—254.

²⁶ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 281—281 об.

²⁷ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 282.

²⁸ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 236 (около 1528 г.).

²⁹ ГПБ, Эрм. 550/10, лл. 142 об., 143.

³⁰ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 233 об.

³¹ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 236.

³² ГПБ, Эрм. 550/10, л. 162 об.

³³ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 279 об.

³⁴ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 108 об.

³⁵ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 162 об. Этот образ знаком также русской литературе, сходный встречаем мы в «Слове о полку Игореве» и в Лаврентьевской летописи: сестя на коня — быть готовым к походу. Его же употребляет Иван Грозный во втором послании Курбскому: «коней наших ногами переехали все ваши дороги» и «иню уж Литве нельзя говорить, что не везде коня нашего ноги были». (Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 211).

³⁶ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 238.